

UDC 93

POLITICAL, SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION IN NORTH CAUCASUS DURING RUSSIAN EMPIRE CONSOLIDATION

Evgeniy V. Novikov

Sochi State University
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
PhD (history), associate professor

The article is focused on political, social and economic situation in the North Caucasus during Russian Empire consolidation.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, social and economic development, politics.

Распад Советского Союза в начале 1990-х гг. привел к изменению геополитической ситуации на всем пространстве бывшего СССР, на территории которого образовались независимые государства.

В процессе становления государственности Российской Федерации наиболее остро внутриполитические проблемы проявились на Северном Кавказе. Это было вызвано: Во первых, тем что северокавказский регион во все времена отличался своей многонациональностью. Благодаря геостратегическому положению и благоприятным климатическим условиям наряду с исторически проживающими на этом пространстве этносами сюда тянулись и представители многих народов. Регион исторически являлся зоной этнических контактов и конфликтов. Северный Кавказ – это территория переплетения культур, цивилизаций. Тысячелетняя история Северного Кавказа – это постоянный поиск компромиссов, формул толерантности, возможностей мирной совместной жизни многих народов. Во-вторых, нестабильностью политической обстановки во вновь образовавшихся государствах Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджане), а также сепаратистскими и националистическими настроениями общественных движений и некоторых руководителей республик Северного Кавказа.

Попытки центральной власти найти оптимальные решения административно-территориальных и общественно-политических проблем в Северо-Кавказском регионе не принесли желаемых результатов, что в дальнейшем привело к вооруженным конфликтам и локальным войнам (осетино-ингушский, чеченский вооруженные конфликты, вторжение в Дагестан террористических формирований).

В условиях современности особенно важно сохранить то доброе, что связало народы России, в том числе и народы Северного Кавказа, столетнюю общую историю, достижения в политике, культуре и других сферах жизни.

В связи с этим особый интерес вызывает опыт деятельности органов государственного управления Российской империи на Северном Кавказе после окончания Кавказской войны, когда центральная власть начала формировать особую систему отношений с горскими народами. Исторический опыт взаимодействия административных и военных органов Российской империи и Северного Кавказа в 1864–1917 гг. чрезвычайно богат.

Приступая к анализу деятельности органов государственного управления на Северном Кавказе, автор считает необходимым рассмотреть особенности политической и социально-экономической ситуации в данном регионе в период окончания Кавказской войны и умиротворения горцев.. Выход за хронологические и

территориальные рамки исследования позволит оценить процесс государственного строительства на территории Северного Кавказа в историческом развитии, с точки зрения его соответствия сложившемуся в регионе укладу жизни коренного населения.

Определение целей, применение тех или иных методов и средств в проведении политики государственного управления русским самодержавием на присоединенных к империи землях с иноэтническим населением во многом определялись особенностями этих территорий. Кавказу в их ряду уготовлено было уникальное место благодаря его позиционному положению в геополитическом пространстве Евразии [1].

Ограниченный морями с запада и востока с занимающей центральное место горной системой, регион расположен на кратчайшем пути из Европы на Ближний и Средний Восток. Тем самым Кавказ изначально соединял в себе две геополитические функции: моста и преграды [2].

Одним из важных следствий такого внутренне противоречивого позиционного положения являлась постоянная борьба за господство над ним между великими державами. С древнейших времен Кавказ находился в центре притязаний со стороны Древней Греции и Персии; Рима и Боспорского царства, Сасанидов; Арабского халифата, Хазарского каганата и Византийской империи.

О влиянии внешнего фактора на обстановку в регионе можно судить хотя бы по следующему заключению: “В течение многих веков край этот подвергался вражеским вторжениям из Азии, что нарушало мирную жизнь его и общественный порядок. Каждое из таких нашествий, естественно, сметало первые насаждения местной культуры, оставляя по себе грубые следы диких инстинктов. Таким образом, Кавказ в первичном периоде не знал покоя; жизнь его была подвержена постоянным случайностям, вечной внешней опасности” [3].

Другим следствием своеобразного географического положения Кавказа и его крайней топографической рассеченности стала высокая степень полиэтничности региона. В подобных физико-географических условиях человек склонен был расселяться на равнинных территориях, изолированно от соседей. Общинные, племенные, местные, региональные идентичности на Кавказе (например, в Грузии – мингрельская, кахетинская, имеретинская аджарская и др.) приобретали не меньшую значимость, чем этнонациональная идентичность. К тому же, исполняя роль моста для продвижения кочевых народов, завоевателей, этот край веками служил “и народоубежищем, и народоприемником” [4]. Исторические миграции, с одной стороны, способствовали тому, что здесь осаждались и выживали обломки некогда более крупных этнических групп (аланы, тюркские племена), с другой – они не привели к полному вытеснению или ассимиляции наиболее древних этнических слоев со стороны более поздних мигрантов (речь идет, к примеру, о прямых предках народов картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской языковых семей).

Этническое многообразие дополнялось серьезными различиями в уровнях социально-экономического и политического развития народов. Так, на Южном Кавказе довольно рано сложились прагрузинский, армянский и албанский (праазербайджанский) центры государственности и более зрелые, чем у горцев Северного Кавказа, экономические отношения. Если говорить о последних, то, скажем, до прихода русских здесь существовали не только феодальные общества, но и целый ряд так называемых “вольных” обществ, тейпов, “демократических” [5] племен с архаическими формами родового быта (в части Дагестана, Черкесии).

Один из видных специалистов-кавказоведов, работавший в эмиграции, Б. Байтуган отмечал, что количество этих обществ было огромно. Северный Кавказ дробился не только по племенам, но и каждое племя, в свою очередь,

подразделялось на несколько групп, чаще всего в зависимости от ущелий или речных долин, которые находились в обладании племени. Обыкновенно каждое ущелье творило отдельное общество [6]. Из этого следует, что сформировавшиеся локально-культурные различия народов региона были существенными и трудно преодолимыми.

Подобная раздробленность и этническая пестрота создавали высокий конфликтный потенциал в зонах проживания кавказских этносов. Еще доминиканский монах Юлиан, живший в XIII в. и посетивший Кавказ, писал, что “здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местечка отправляются вооруженными на поле, вместе косят на смежных участках и вообще выходят за пределы своего местечка для рубки дров или какой бы то ни было работы, всегда идут вместе с вооруженными, они не могут выходить в безопасности из своих местечек небольшими группами, зачем бы то ни было” [7].

Такое положение сохранялось на Кавказе столетиями. Дефицит пригодной для хозяйственной деятельности земли, суровые природно-климатические условия горных районов, не позволявшие обеспечить необходимый прожиточный минимум жителям предгорной и горной частей, формировали и соответствующие черты их образа жизни. Далеко не последнее место в нем занимала так называемая набеговая система [8] – известный почти у всех народов в определенном “возрасте” социально-хозяйственный институт, призванный возместить внутренний материальный недостаток внешней военной экспансией.

Как подчеркивают историки М.М. Блиев и В.В. Дегоев, именно слабость экономической базы здесь привела к гипертрофии набеговой системы. Некоторые авторы, изучающие “институт наездничества” [9] в Чечне, Ингушетии, в большей части Осетии), и в частности у адыгских народов, не признают за ним значительной экономической роли, а обуславливают его укоренение в традиционной культуре горцев Черкесии, главным образом, постоянной внешней напряженностью, феодальной междоусобицей и другими факторами, делающими необходимым существование специальных механизмов поддержания высокой военной мобильности [10]. Но в любом случае, идет ли речь о “набеговой системе” или “институте наездничества”, экономических или иных причинах этого в принципе одного и того же явления, оно имело место, было развито в большей или меньшей мере у целого ряда народов Кавказа, в первую очередь у северокавказских (адыгов, дагестанцев, осетин, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, абхазов) и оказывало заметное влияние на их ментальность, формирование культурного архетипа. Значит, любая попытка извне включить эти народы в состав какого-либо государства, изменить, хотя бы частично, привычный образ жизни воинственных горцев могла встретить лишь их отчаянное сопротивление. Во многом этим, в первую очередь, объясняется длительность и ожесточенность Кавказской войны в XIX в.

Не придавало стабильности региону и исторически сложившееся соседство и противостояние мировых религий – христианства и ислама, окруженных множеством языческих культов и верований. Разделение по религиозному признаку произошло таким образом, что практически все народы Северного Кавказа приняли и удержали ислам, кроме осетин, у которых еще в IX–X вв. было принято христианство. У исследователей не вызывает удивление тот факт, что ислам с его делением мира на правоверных и гяуров, его доктриной газавата, его обещаниями рая на том свете в награду за праведность на этом, нашел питательную почву среди народов, культивировавших наездничество как средство развития воинственности для поддержания материального достатка и сохранения независимости.

По мнению М.М. Блиева и В.В. Дегоева, религия понадобилась набеговой системе, которую она снабдила недостающим идеалом – лозунгом борьбы против неверных и тем самым дала ей дополнительный морально-психологический импульс [11].

Таким образом, особенное геополитическое положение Кавказа, подверженного постоянному и далеко не всегда благоприятному воздействию внешнего фактора, а также полиэтничность, поликонфессиональность региона делали его сложным и нестабильным, крайне затрудняли создание здесь сколько-нибудь жизнеспособного, долговременного, единого и крупного государственного образования.

Включение региона в состав иного государства был обречен на болезненный, противоречивый процесс, когда сочетаются добровольные и принудительные методы при широком использовании во втором случае военной силы. К тому же следует учесть, что любое серьезное вмешательство извне, стимулировало к объединению в борьбе против него доселе разъединенных и даже враждовавших друг с другом народов. Видимо, здесь следует искать первопричину того, почему в продвижении русских на Кавказ и его последующем удержании в составе империи (приобщение к государственности) военная организация играла особенную роль [12].

Рассматривать проявление геополитических и этнорелигиозных особенностей Кавказского региона во второй половине XIX – начале XX в., фактически позднего периода империи, по мнению автора, стоит, хотя бы с краткого ответа на вопросы, как и почему Россия пришла на Кавказ и что сделано для удержания его в рамках Российской империи? Тем более, что на сей счет в современных исторических изысканиях, сложились разные подходы и точки зрения, в целом упомянутые во вводной части данной работы.

Уже в XVIII в. Кавказ превращается для России в важную внешнеполитическую проблему, что проявилось, в частности, в ходе Каспийского похода в 1722–1723 гг., организованного Петром I. Задача присоединения этого геополитически значимого региона к набирающей силу империи выдвинулась в число приоритетных.

Форсированный переход от вассально-зависимых отношений горцев и Московского царства к полному включению региона в состав Российского государства в то время обуславливался соображениями религиозно-морального порядка (взять под защиту и спасти от истребления христианское население) и военно-стратегического (поставить барьер экспансии Запада, а также создать плацдарм для завершения естественного геополитического развития России как европейской и мировой державы путем установления контроля над Константинополем, проливами Босфор и Дарданеллы).

С начала XIX в. приходит понимание и “религиозно-племенных задач внешней политики”, когда “Россия предпринимает политическое освобождение других национальностей, связанных с русским народом родством, либо племенным, либо религиозным, либо религиозно-племенным” [13].

Один из первых, кто сконцентрировал и достаточно четко изложил уже ранее высказывавшиеся мысли о том, что увлекло Россию на Кавказ, был знаток этого края, военный теоретик и историк генерал Р.А. Фадеев. Он писал, что для России Кавказский перешеек, вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которой защищена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. “Занятие этого края было первою государственною необходимостью” – подчеркивал Р.А. Фадеев. И здесь же он отмечал, что Россия стремилась побороть “самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма” [14], опаснейший очаг

воинствующего исламизма, чреватого пожарами внутри империи на пути к духовному совершенствованию должен участвовать в священной войне против “неправоверных”. Мюридизм [15] тесно связывают с историей Кавказской войны и имамами Дагестана и Чечни Гази-Мухаммедом (1828–1832), Гамзат-Бокком (1832–1834) и Шамилем (1834–1859). Есть все основания считать, эти высказывания, как и книгу этого автора “Шестьдесят лет Кавказской войны”, написанную почти сразу после пленения Шамиля, отражением официальных взглядов (в частности, наместника Кавказского, Главнокомандующего Кавказской армией князя А.И. Барятинского и начальника его штаба графа Д.А. Милютина, близких к царю [16].

Но если вернуться к временам первых шагов в продвижении России в этот регион, то можно отметить следующее. Слабеющая Османская империя, в сферу влияния которой в XVIII в. почти полностью входили Балканы, Крым (до 1783 г.) и Кавказ, подавала серьезный повод для усиления борьбы за ее наследство. Среди главных претендентов на контроль над этим наследством выступали атлантическая Британская и континентальная Российская империи. Так возник “восточный вопрос”, а вместе с ним и “кавказский вопрос”, как достаточно самостоятельный, но в то же время тесно связанный и геополитически неотделимый от “восточного”.

Таким образом, народы Кавказа оказались включены в сложную систему международных отношений. Это означало, что любое государство, которое станет обладать этим регионом, в проведении административной политики неизбежно столкнется с необходимостью противодействовать стремлению геополитических соперников дестабилизировать в нем внутреннюю обстановку. Не случайно, что даже с усилением позиций России на южных рубежах после победоносных при Екатерине II русско-турецких войн, Павел I, а в начале царствования и Александр I, пытались отказаться от включения в состав империи столь сложного и беспокойного края. Планы же создания вассальных от России Грузии, Армении, кавказского объединения в виде своеобразной федерации горских владетелей, способных противостоять самостоятельно экспансии южных соседей и при этом не отягощать российскую казну, оказались неосуществимыми из-за острых внутрикавказских противоречий [17].

Но ход нашей истории, как отмечал русский философ И. Ильин, “слагался не по произволу русских Государей..., а в силу объективных факторов, с которыми каждый народ вынужден считаться” [18]. Российская империя, соединяя в себе черты Европы и Азии, приняв на себя особенности византизма, не могла оставить поле борьбы за Кавказ. По мнению Р.А. Фадеева, “заяятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой”. Здесь же уместно привести и глубокую по смыслу фразу адмирала Л.М. Серебрякова: “Силою самих обстоятельств мы увлечены за Кавказ” [19].

Победы России в русско-персидских (1804–1813 гг., 1828–1829 гг.) и русско-турецких (1806–1812 гг., 1828–1829 гг.) войнах коренным образом изменили геополитическую ситуацию на Кавказе: между Турцией, Персией и Россией не стало больше буферной зоны. Бухарестский (1812), Гюлистанский (1813), Туркманчайский (1828), Адрианопольский (1829) мирные договоры закрепили за победителем в международно-правовом отношении приобретенные территории.

Российская империя получила “новую линию южной границы (с небольшими изменениями она сохранилась до 1991 г.), приобрела ключевой геостратегический плацдарм для создания непосредственной угрозы интересам Британской империи, подступая к Персидскому заливу и Индии, проливам Босфору и Дарданеллам, куда стремились многие поколения русских правителей, начиная, наверное, еще со

Святослава Игоревича. Отсюда - бурная реакция Англии, проводившей в это время активную экспансионистскую политику на Востоке и ощутившей реальную опасность для своих заморских владений со стороны “северного колосса”. Поэтому с 1830-х гг. в “кавказском вопросе” на первый план выходят российско-британские отношения. Другие европейские страны, такие как Франция и Австрия, использовали “кавказский вопрос” лишь в качестве вспомогательного рычага для давления на Россию главным образом в европейских делах. Турция, связанная условиями Адрианопольского мира, формально не могла оспаривать права на этот регион и действовала более скрытно, чем англичане. Персидский шах отказался после военных поражений от соперничества с Россией на кавказской арене.

Обострившееся противоборство с Англией заставляло российское самодержавие ускорить процесс покорения горцев Северного Кавказа силой оружия и не ждать пока они органически войдут в состав империи, что в определенной мере объясняет эскалацию военных действий на Северном Кавказе. В то же время и сама Кавказская война явилась мощным провоцирующим фактором для иностранного вмешательства. Россия вынуждена была вести борьбу не только с имаматом Шамиля и адыгами Северо-Западного Кавказа, но и с различного рода враждебными акциями, подготовленными англичанами, турками, а также польскими, венгерскими и другими европейскими революционерами и авантюристами. Речь идет о подрывной работе агентов, наводнивших край под видом путешественников и торговцев, о контрабандной доставке оружия для повстанцев, о направлении добровольцев (так называемый англо-польский легион Лапиньского пробыл в Черкессии три года), о распространении слухов, прокламаций и т.п. [20]

Столкновение англо-русских интересов на Кавказе стало одной из предпосылок Восточной (Крымской) войны (1853–1856), среди целей которой английский министр Генри Пальмерстон особо выделял такую: “...Крым и Грузию отдать Турции, а Черкессию – либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана”. Несмотря на поражение в Крымской войне, принадлежность Кавказа к Российской империи была окончательно подтверждена на международном уровне в 1856 г. на Парижском конгрессе [21].

Автор считает, что складывающаяся международная обстановка, с одной стороны, стимулировала российское правительство к окончательному покорению Кавказа, с другой стороны, до крайности обостряла этот процесс из-за вмешательства других стран.

Геополитические особенности Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. проявились в том, что, став для России проблемой внутренней геополитики, “кавказский вопрос” не только не утратил, но и повысил свое значение в международных делах. Этому способствовали, прежде всего, экспансионистские устремления Англии, сопровождаемые реваншистскими притязаниями Турецкой империи, и подключение с разной степенью активности к кавказским делам всех тех европейских государств, которые имели свои интересы в районе восточного Средиземноморья (Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия и США). Все это приводило к возрастанию роли “внешнего фактора” в деятельности военной администрации на Кавказе, заставляя постоянно учитывать ее военную составляющую.

С 1880-х гг. стали весьма энергичными, настойчивыми и не безуспешными попытки проникновения на Ближний Восток Германии, многие теоретики, политические и военные деятели которой, например, Мольтке, Лист, Шпренгер, Гуго Грот, Рорбах, давно вынашивали планы широкой экспансии на Востоке и, в частности, колонизации Малой Азии [22]. Активное сближение Берлина и Стамбула, внедрение немецких капиталов в экономику Порты (строительство Багдадской

железной дороги), реорганизация турецкой армии по германскому образцу, – все это, в конечном счете, дало свои результаты уже в первой четверти XX века, когда Турция выступила в Первой мировой войне на стороне Тройственного союза.

Для вмешательства во внутренние дела России в районе Кавказа ее геополитические противники использовали проблемы некоторых народов, принявшие в силу исторических условий и политических обстоятельств международный характер в середине и во второй половине XIX в. Это так называемый “черкесский вопрос”. Их объективная основа – в сложившейся веками полиэтничности и поликонфессиональности Северо-Западного и Северо-Восточного регионов Кавказа, в разделении районов расселения этносов и приверженцев той или иной религии государственными границами [23]. Из-за частых войн границы эти не были устойчивыми, что, в свою очередь, подхлестывало миграционные процессы и борьбу “разделенных” и зависимых народов за освобождение и политическую автономию. Эти проблемы заставляли осторожно вести приграничную политику на русско-турецкой и русско-персидской границе. Правда, в периоды обострения отношений и, тем более войн, в ход шли все методы борьбы. Но охотнее всех “разыгрывали” черкесскую карту, исходя из своих целей, европейские государства, что уже активно проявилось в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И здесь проявила особую активность искушенная британская дипломатия.

Несомненно, Россия, став “хозяином Кавказа”, больше других была подвержена подобного рода воздействию, поэтому и в своих внешнеполитических шагах, и в деятельности администрации в крае, она не могла не стремиться к разрешению этих вопросов с учетом собственных интересов. Центральная российская власть и кавказская администрация старались не допустить внутренних беспорядков на этнической почве, вызванных негативным влиянием внешнего фактора.

Возникновение “черкесского вопроса”, как составной части кавказской проблемы, связано с борьбой России, Турции и Англии, начавшейся в первой половине XIX в. за политический приоритет в северо-западной части Кавказа (Черкесии) [24]. Здесь издревле проживали адыгские народы, представлявшие собой единую этническую группу (предки ныне живущих здесь кабардинцев, адыгейцев, черкесов, шапсугов).

В ходе завоевания этого района русское правительство добивалось укрепления своих позиций как Черноморской державы. Оно вовсе не желало допустить возникновения здесь антирусского плацдарма, откуда могла исходить военная угроза югу России. Что касается целей западных стран и Турции, выступавших “защитниками” кавказских горцев, то на этот счет уместно привести высказывания известного русского историка-кавказоведа А.П. Берже, который в 1864–1886 гг. возглавлял Кавказскую археографическую комиссию. Он писал: “...нельзя не признать, что вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или какой-нибудь гуманной или нравственной целью, а являлось, как средство загребать жар чужими руками. Горцы в глазах турок и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости” [25].

В связи с массовым исходом кавказских горцев, что в большей мере автор рассмотрит ниже, за пределы исторической родины и расселением их в Турции, странах Ближнего Востока и Балканского полуострова, активизировалась дипломатическая борьба. Турецкое правительство намеревалось, по оценкам русских дипломатов, “расселить черкесов небольшими группами в местах наиболее уязвимых его территории, как часовых на страже Оттоманской империи в будущих

войнах” и среди христианского населения (армян, греков, ассирийцев) в качестве карательной силы, если потребуется [26]. Этому, естественно, препятствовала российская сторона, ибо, как отмечал русский посол в Константинополе Новиков, “для нас выгоднее, чтобы горцы-мусульмане не были поселяемы ни между единоверным им населением, где они могут составить могущественную и сплоченную массу, враждебную христианам, ни в христианских областях Турции, ближайших к нашей границе” [27].

Турецкое правительство решило с помощью кавказцев укрепить свои позиции в стране. Горцы Кавказа были расселены в Европейской Турции, Болгарии, Югославии, Албании между славянскими и греческими поселениями, вдоль больших дорог и важных горных проходов, образуя непрерывную цепь, чтобы в случае восстания силой удерживать последних. Однако, махаджиры были поселены на худших землях. Первоначально, не имея никаких средств к существованию, горцы вынуждены были отдавать молодых соплеменниц в гаремы султана и турецкой знати. Доведенные до отчаяния, махаджиры, чтобы прокормить семьи, “стали нападать на караваны с шелком, которые шли из Персии в Турцию... Было взято так много товара, что гривы и хвосты коней абхазов были пышно разукрашены знаменитым персидским шелком”. Это подтверждает Гарегин Срвандзтянц (1880-е гг.), путешествовавший в тех местах, где проходила Большая Багдадская дорога: “Абазинские и черкесские поселенцы составляют тяжелое бремя для народа: не только на дорогах от них нет спокойствия, но и в самом городе воровство, грабежи, убийства стали обыкновенным делом. В окрестностях рассеяны черкесские селения... С большой опасностью проходят через них караваны” [28].

Правительство Турции, пытаясь стабилизировать обстановку, стало привлекать горскую молодежь к воинской повинности: из кавказских горцев был сформирован кавалерийский корпус. Но выходцы с Кавказа не оставили своих привычек даже после кемалистской революции (1923 г.). В. Аболтин, работавший в то время в Турции писал: “Отличаясь предприимчивостью вообще, горцы не покидают и своих старых привычек: угон скота, воровство лошадей, грабеж при удобном случае практикуется и поныне. Горцы чрезвычайно храбры, их боятся даже дерзкие курды”.

В дальнейшем “черкесский вопрос” был связан с попытками Турции и западных держав использовать зарубежных черкесов как боевую силу в русско-турецкой войне (1877–1878) и подавления движения христианских народов Османской империи.

Так, на Азиатском фронте в составе анатолийской армии Мухтара-паши против русских войск действовало несколько иррегулярных полков черкеской кавалерии. Историк А. Кушхабиев, ссылаясь на данные османского источника, отмечает, что из черкесских иммигрантов, расселившихся в трех районах Анатолии (западной провинции Азиатской Турции), были сформированы четыре кавалерийских полка по одной тысяче человек в каждом. Причем, среди командиров этих частей были бывший генерал-лейтенант русской армии, переселившийся в Турцию в 1865 г., Муса Кундухов и сын Шамиля Кази Мухаммед-паша [29].

Отряды черкесских и абхазских иммигрантов участвовали в составе отрядов, десантировавшихся на Черноморское побережье с турецких кораблей, в том числе с задачей – поднять на борьбу местное население. Немало их было среди восставших с началом войны в Абхазии, Чечне и Дагестане.

В последующие годы турецкие власти весьма активно привлекали черкесов к военной службе. В начале XX в. в армии Порты доля офицеров – выходцев из черкесов доходила до 33 %; крупными военачальниками, маршалами стали Фаул-паша, Назим-паша, Зеки-паша. Но при правительстве младотурок очень многие попали в опалу, и их участие в Первой мировой войне было ограниченным. Надо подчеркнуть, что отношение зарубежных черкесов к России не было глубоко

враждебным, что отмечали, например, в своих докладах наместнику на Кавказе такие авторитетные русско-подданные представители этого народа, как Султан-Довлет Гирей и князь В. Гаджемуков, призывавшие командование Кавказским фронтом использовать такое положение в войне с Турцией [30].

Таким образом, “черкесский вопрос”, хотя официально и не проходивший в документах “большой дипломатии”, не снимался с повестки дня международной политики вплоть до начала XX века и оказывал определенное влияние на кавказскую политику России.

Великобритания с конца 1880-х гг. с захватом Египта и острова Кипр, когда черноморские проливы потеряли для нее былое значение, изменила свою турецкую политику опеки “больного человека”. А по отношению к России, активизировавшейся в Средней Азии, старалась делать все, чтобы создать ей проблемы на Кавказе. Вот тут и пригодилась “кавказская карта”. Военный агент в Лондоне полковник Ермолов писал в донесении военному министру, что Англия всегда руководствуется своими имперскими интересами и, если преследование этих интересов совпадает с какими-либо человеколюбивыми помышлениями, она подхватит эти помышления и будет ратовать за благо угнетенных. Не совпадает – она нисколько не задумается перед самыми жестокими и нехристианскими мерами [31].

Уже в ходе Первой мировой войны, сообразно обстановке, русское командование принимало меры к вооружению христианского населения, прежде всего армян, в целях самозащиты, а также формированию из их числа дружин, способных оказывать помощь войскам в ходе боевых действий против турецкой армии.

Таким образом, в “черкесском вопросе” в том виде, в каком он стоял во второй половине XIX – начале XX вв. было немало моментов, влияющих на ситуацию в Северо-Западной части Кавказа и заставляющих русскую администрацию учитывать их в проведении административной политики, в том числе с использованием возможностей военной организации.

Основываясь на анализе материала, можно говорить о высокой степени зависимости кавказских этносов от внешних условий обстановки, что находило свое объяснение в особенностях геополитического положения региона и усилившейся со второй половины XIX в. борьбой геополитических противников за сферы влияния и обеспечение своих интересов на Ближнем Востоке в целом.

Начиная с 1880-х гг., происходят заметные изменения в экономике Кавказа, особенно в южной его части. Развитие путей сообщения, в частности, строительство Закавказской железной дороги, способствовало формированию капиталистических рыночных отношений, а, следовательно, и потребности в дешевой рабочей силе. Из северо-западных провинций Персии (Азербайджана, Гиляна, Астрабада и Хоросана), где русское влияние было особенно сильным, с каждым годом увеличивалось число так называемых отходников – целого слоя жителей соседней страны, вынужденных уезжать за ее пределы в поисках работы. Большинство отходников прибывало из Азербайджана в города Закавказья: Тифлис, Баку, Шушу, Шемаху, Эривань. О динамике роста отходничества можно судить по количеству выдававшихся иранцам паспортов. Если в 1858 г. на границе было выдано 4852 паспорта лицам, уходившим на заработки в Закавказье, то в 1891 г. в Азербайджане их было выдано 29735, в 1904 г. – 59121 [32].

Российские власти поощряли приток отходников, однако старались регулировать этот процесс, особенно в период “смут и неурядиц” на Кавказе в 1905–1907 гг. и революционных событий в Иране (1905–1911 гг.). Тем более что, к примеру, жившие в России и приезжавшие в страну для торговли, получения

образования или на заработки иранцы, делали, по свидетельству очевидцев, все возможное с целью вовлечения российских революционеров в персидскую революцию [33]. Кстати, эти события наглядно показали высокую степень зависимости внутренней обстановки как в России, так и в Персии от внешних воздействий.

И все же движение отходников имело немаловажное значение для укрепления взаимопонимания и стабильности в области межнациональных отношений, поскольку среди иранцев распространялось русское культурное влияние путем ознакомления с Россией значительных масс выбывающего и вновь возвращающегося населения. “Побывав в России, простые люди Ирана, – писал В.Ф. Минорский, – впервые знакомятся с железными дорогами, электричеством, новым строем жизни, искренне поражающих их, и это культурное влияние, общение, связи, знакомства, заводимые в России, надо особенно иметь в виду при оценке политического положения Азербайджана, сопредельного с Закавказьем и отражающего на себе все его настроения” [34].

Во всеподданнейшем отчете Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа за 1912 г. отмечалось, что “турецкие подданные тысячами тайно переходят границу и идут к нам на заработки” [35]. Конечно, отношение со стороны кавказской администрации к турецким отходникам по понятным причинам было более настороженным, чем к персидским.

Из анализа материалов следует, что во второй половине XIX в. модернизационные процессы охватили национальные окраины России, нивелируя этнические особенности культуры различных народов и локальных групп. В то же время они способствовали этнической мобилизации, пробуждению национального сознания и возникновению национальных движений. Правда, у мусульманских народов Кавказа этническое самосознание часто подменялось религиозной принадлежностью.

И здесь следует иметь в виду особенность этого региона как контактной зоны двух мировых религий – христианства и ислама. Взаимное влияние на внутреннюю обстановку по религиозным каналам в сопредельных странах, несомненно, имело место. Степень этого влияния во многом определялась деятельностью соответствующих конфессий, зачастую активно поддерживаемых официальной властью. Так, во второй половине XIX в. в Турции в рамках зулума (годы правления султана Абдул-Гамида) возникла доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман. Наряду с идеей пантюркизма она была взята на вооружение младотурками. После победы младотурецкой революции в 1908 г. панисламизм вошел составной частью в официальную идеологию партии “Единство и прогресс”.

Современный историк из Турции И. Ортайлы признает: “В турецкой историографии, как правило, не учитывается, что не только российские императоры осуществляли свое покровительство над православным населением Османской империи, но и османские султаны, как халифы, претендовали на протекторат над мусульманами России...” [36]. К этому надо добавить, что многие кавказские мусульмане хоть один раз в жизни совершали паломничество в Мекку (хадж), поскольку это предписано каждому мусульманину Кораном, составляя один из “столпов” ислама. Запрета на хадж в России не существовало, хотя этот процесс определенным образом регулировался: желающие его совершить писали заявление и после получения разрешения могли беспрепятственно выезжать “для поклонения гробу пророка Магомета”. Между прочим, получавшие разрешение не всегда возвращались обратно (своеобразный вид эмиграции).

Представление о численности паломников (только шиитов) дают, к примеру, данные, подготовленные в 1884 г. штабом Кавказского военного округа по заказу Азиатской части Главного штаба в “Записке о паломничестве жителей Кавказа в священные места шиитов, находящиеся в Турецкой Аравии”, где наряду с характеристикой паломников по этнорелигиозному и социальному составу отмечается и количество ежегодно совершающих хадж – 13500 чел. [37] Паломничество осуществлялось даже в периоды обострения внутривосточной обстановки. Только из Севастополя в 1906–1907 гг. отошли четыре паломнических парохода [38].

Хадж не прерывался и тогда, когда накануне первой мировой войны турецкой агентурой были предприняты, по наблюдению Министерства внутренних дел, “представлявшие опасность попытки активизировать исламский фактор в пределах империи во враждебных для ее целостности целях” [39].

Таким образом, на мусульман Кавказа оказывалось весьма осязаемое воздействие, вплоть до попыток заставить их участвовать в священной войне с неверными, которую объявил султан во время первой мировой войны.

Уже само унифицирующее воздействие имперской власти на регион, отличающееся своей крайней гетерогенностью, создавало непростую ситуацию с точки зрения выбора методов и средств политики, чтобы “встроить” его в империю. И как бы не расширялся инструментарий мирных методов, выдвинутых на первый план после окончания затяжной Кавказской войны, силовые не могли не сохранять своего значения.

Не могла не столкнуться на Кавказе и модернизация с традицией. Здесь, как справедливо замечает К.С. Гаджиев [40], в силу национально-культурных и исторических традиций, медленно изживались феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы политической культуры, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Запоздалый и неравномерный процесс утверждения капиталистических отношений, сильные позиции полуфеодальных групп и аристократии, устойчивость старых ценностей, конфессионального начала в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения буржуазных социально-экономических структур и соответствующих им институтов политической демократии.

Из анализа материалов следует, что постепенно капиталистические отношения все же проникали в общественную, экономическую и культурную жизнь народов Северного Кавказа. “В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых “кустарных” промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов” [41].

Северный Кавказ принадлежал к числу районов, которые в пореформенное время заселялись наиболее интенсивно. За три последние десятилетия XIX в. количество населения здесь выросло более чем в 2 раза и, согласно данным переписи 1897 г., составило около 4,5 млн человек.

Численность населения региона выросла главным образом за счет притока сюда жителей из других районов. В Кубанскую область, где рост населения был наибольшим, пришли переселенцы из 18 губерний. Большинство их были выходцами из Центральной России и тех губерний Украины, где сильны были пережитки крепостничества. Более четверти переселенцев пришли на Кубань из южных губерний, где капитализм уже получил большое развитие. Переселенцами

были прежде всего пролетаризованные и полупролетаризованные крестьяне, многие из которых работали батраками. Но среди них были и состоятельные хозяева, арендовавшие на юге Украины большие участки земли или содержавшие отары тонкорунных овец. Обычно эту “сельскохозяйственную буржуазию” называли тавричанами, так как они были выходцами из Таврической и других южных губерний России [42].

На количестве и плотности горского населения во 2-й половине XIX в. заметно сказались так называемое махаджирство (эмиграция, переселение в страны ислама). За полстолетия Северный Кавказ покинуло значительное число горцев [43].

Таким образом, в 1860–1890-х гг. на Северном Кавказе происходил некоторый отлив населения, но решительно преобладало переселение, что серьезнейшим образом сказало на социальном и экономическом развитии края.

Интенсивность заселения в позднесамодержавный период Северного Кавказа, переселение сюда как людей, лишенных средств производства, так и весьма состоятельных скотоводов и земледельцев способствовало быстрому развитию здесь капиталистического хозяйства. Однако, главной отраслью хозяйства народов Северного Кавказа стало интенсивное сельское хозяйство, в котором преобладало производство зерна.

Начиная с 1870-х гг. земледелие быстро развивается, прежде всего, на Кубани и в Ставрополье, а медленно – в горных районах региона. Уже к 1880-м гг. на Кубани и в Ставропольской губернии производство зерна достигло такого уровня, что обеспечивало хлебом не только местное население, но и войска, расположенные на Кавказе.

По сведениям Кубанского статистического комитета, в течение 10 лет после открытия Владикавказской железной дороги население области удвоилось, а хлебные запашки возросли с 500 тыс. дес. до 5 млн дес. [44]

Наблюдался быстрый рост посевных площадей и в Ставропольской губернии: если за пятилетие (1880–1884 гг.) в среднем посевная площадь составляла 748 тыс. дес., то за пятилетие (1895–1899 гг.) она составила уже около 1038 тыс. дес., т. е. возросла почти на 89 % [45].

Вторжение капитализма в земледельческое хозяйство Северного Кавказа изменило структуру посевных площадей в соответствии с потребностями внутреннего и внешнего рынков. В 1870–1890-х гг. структура посевных площадей определялась главным образом потребностями внешнего рынка в пшенице, ячмене и льняном семени. Уже в 1882 г. озимая пшеница занимала более 40 % посевной площади. Во второй половине XIX в. в степной части края появляются новые, доселе неизвестные здесь культуры: кукуруза, подсолнечник и табак. Хозяйство велось широким использованием наемного труда и сельскохозяйственных машин.

По подсчетам А. Щербины, в конце XIX в. на 100 хозяйств приходилось усовершенствованных орудий в крестьянских селах – 40, в казачьих станицах – 29, а в горских аулах – только 1 [46].

За 50 лет (1864–1913 гг.) чистый сбор зерна на душу увеличился на 462,3 % и зерновое хозяйство быстро приспособлялось к потребностям мирового хлебного рынка и переходило к производству, главных рыночных культур – пшеницы и ячменя. По площади посева пшеницы первое место принадлежало Кубанской области, на втором месте была Ставропольская губерния, в Терской области ее посева были незначительны.

По посевам ячменя Северный Кавказ уступал первенство только южному степному району. К концу XIX в. средний сбор пшеницы и ячменя составлял: на Кубани – 76,2 % от общего сбора зерновых, в Ставропольской губернии – 68,7 %. В Терской области средний сбор пшеницы и ячменя составлял 24,6 %, в то время как

проса и кукурузы собиралось в общей сложности 54,1 %. Валовой сбор зерновых культур региона к концу XIX в. (по данным 1892–1896 гг.) достиг 156 млн пудов, из которых $\frac{3}{4}$ давала Кубанская область [47].

Проникновение капиталистических отношений в горные аулы также вело к специализации хозяйства. Если в горных аулах основой экономики на протяжении всего пореформенного периода оставалось животноводство, то в плоскостных все более развивалось хлебопашество, хотя и значительно медленнее, чем в Предкавказье. Достаточно сказать, что в 1896 г. в Терской области было распахано 380 тыс. дес. земли, что составляло лишь 8 % площади, пригодной для полеводства. В Дагестане земледелие было плохо развито прежде всего из-за малой площади пригодных для него земель (5,8 % общей площади).

Тем не менее, и в горных районах наблюдался рост посевной площади и изменение ее структуры, появление новых усовершенствованных орудий труда и новых культур. Новые, более прогрессивные элементы в земледелии наблюдались главным образом в аулах, основанных в непосредственной близости от русских селений, где сильнее было взаимное влияние и заимствования.

“Ввиду сбыта ржи и кукурузы на винокуренные заводы горское население Кубанской области, преимущественно той части ее, где находятся оные заводы, значительно увеличило распашку земли под эти хлеба, преимущественно под кукурузу, которая обращается в продажу не только на заводы Кубанской области, но и на заводы Ставропольской губернии” – писал начальник области в своем отчете за 1881 г. [48]

К 1860-м гг. на территории Северного Кавказа имелись уже выдающиеся по своим хозяйственным качествам местные породы крупного рогатого скота, лошадей и овец. Так как крупный рогатый скот почти до конца XIX в. составлял основную тягловую силу в земледелии, а парноволновые фуры служили единственным средством перевозки грузов, большую ценность представлял скот, который соединял в себе хорошие мясные и рабочие качества. Такими были замечательный красный калмыцкий (или “ордынский”) скот и серый украинский (или “черкасский”), впоследствии получивший название черноморского. Превосходное мясо “черкасских” быков издавна славилось на московском и петербургском рынках. Территория Терской области является родиной знаменитой кабардинской породы лошадей, слава о которой распространилась по России еще с последней четверти XVIII в. В Баталпашинском отделе Кубанской области разводилась ценная карачаевская порода грубошерстных овец.

В Ставропольской губернии, как и у горцев, почти до конца XIX в. разведение скота составляет важную отрасль сельского хозяйства. По сведениям за 1875 г., в крестьянских хозяйствах находилось более 80 % рогатого скота. Не случайно военная статистика относила Ставропольскую губернию начала 1870-х гг. к району главных закупок скота, который располагался на юге и востоке России [49].

В 1870–1880-х гг. и происходит перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию степного Предкавказья. Здесь они нашли такие же благоприятные условия для разведения тонкорунных овец, какие имели в недавнем прошлом в “Новороссийских” губерниях. Целинные земли представляли прекрасные пастбища, а продажные и арендные цены на землю были исключительно низкими. Специализация горских аулов на животноводстве привела к переменам и в этой традиционной отрасли хозяйства. Изменился состав стада, в котором резко увеличилось количество гулевого скота. Карачай, Валерия и другие высокогорные местности специализировались на разведении овец, Кабарда – на коневодстве и крупном рогатом скоте.

Именно скотоводство принимало товарный характер у горских народов Кубанской и Терской областей. Специально, для продажи в казачьи войска, разводили лошадей, которых так и называли “казачьи лошади”, так как они должны были быть определенного роста (“2 аршина 2 вершка”), определенной масти и экстерьера. В 1890 г. в Кабарде было 48 тыс. лошадей, а к 1900 г. стало 124 тыс. Табунное коневодство особенно было развито у горцев Баталпашинского отдела, где находилось 342 табуна (из 542 табунов Кубанской области). Значительная часть лошадей и скота шла на продажу. Если из Карачая в 1860-е гг. вывозили не более 5 % скота, то к концу XIX в. – более 25 % [50].

На продажу шло большое количество овец и крупного рогатого скота. Курорты Минеральных Вод почти целиком снабжались карачаевскими мясными продуктами, молоком, маслом, сыром, производимым на масло-сырозаводах В.И. Бландова, Т. Байчорова из молока, закупаемого у карачаевских крестьян.

В Баксанском ущелье был открыт сыроваренный завод Хамзата Урусбиева. Чтобы улучшить сыроваренное производство, Урусбиев изучал молочное хозяйство и сыроварение в Швейцарии. Продукция сыроделятельного завода этого капиталистического предпринимателя получила высокую оценку на Кавказской сельскохозяйственной выставке 1889 г. [51]

Несмотря на то, что животноводство Северного Кавказа было экстенсивным, российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями не только сохранили лучшие местные породы, но и добивались их улучшения. Известные овцеводы братья Мазаевы вывели замечательную для того времени русскую “мазаевскую” породу тонкорунных овец.

Хотя климатические и почвенные условия на Северном Кавказе позволяли выращивать большое количество различных плодов и огородных культур, эти отрасли сельского хозяйства во второй половине XIX в. не получили заметного развития. Это объясняется рядом причин. Садоводство, виноградарство и особенно огородничество требуют весьма тщательной обработки земли, удобрений и, конечно, больших затрат рабочей силы. В то время на Северном Кавказе не было больших городов – центров сбыта садовых и огородных культур.

Лишь с окончанием строительства основных линий Владикавказской железной дороги возможность вывоза плодов и вина существенно облегчилась, что способствовало развитию новой отрасли сельского хозяйства.

В аулах Кубанской и Терской областей садоводство в основном носило потребительский характер и не было связано с рынком. Тем не менее, у горцев, особенно у адыгов, были выработаны определенные методы выращивания фруктов; народной селекцией выведены наиболее подходящие к природным условиям сорта яблок, груш, слив и других фруктов.

Улучшением сортов фруктов занимались земледельческие школы, при которых создавали питомники. Большие успехи были достигнуты в огородничестве, особенно в разведении картофеля, который хорошо вырастал в некоторых аулах, даже в горах. В Терской области с 1886 по 1894 г. посадки картофеля возросли в 5 раз. В огородах выращивали свеклу, морковь, лук, чеснок, в меньшей степени – капусту.

В пореформенном Дагестане появились крупные садовладельцы как из числа местных жителей, так и из представителей кавказской администрации. Часть садовой продукции вывозилась в Россию, преимущественно морем. В 1900 г. из Дагестанской области по железной дороге было вывезено 200 тыс. пудов фруктов, а в 1903 г. – 326823 пуда [52].

Издавна существовавшее в Дагестане виноградарство до середины 1870-х гг. носило в основном потребительский характер. С конца 1870-х годов, все больше развиваясь, оно становится развитой отраслью торгового земледелия. Только в

одном Дербенте культивировалось до 50 местных и иностранных сортов винограда. Крупным виноградным районом был Кизляр, для трех четвертей которого виноградарство являлось основным занятием. В 1874 г. под виноградниками Кизлярского округа находилось 16 тыс. дес. [53]

Другим крупным виноградарским районом являлся Дербентский, где в 1876 г. под виноградниками было занято 1667 дес. земли. Развивалось виноградарство около г. Порт-Петровска, на равнине и частично в горном Дагестане. В 1901 г. в Дагестане виноградники занимали 10334 дес. земли. С них было собрано 2429439 пудов ягод и выделано около 2 млн ведер вина. В 1901 г. Дагестан вместе с Хасавюртовским и Кизлярским округами Терской области дал около 22 % общекавказского производства винограда, более 18 % общекавказского производства вина.

В Дагестане и Терской области торговое виноградарство и виноделие сосредоточилось главным образом в городах Кизляр, Дербент, Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура и в Хасавюртовском, Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах. Главным рынком для торгового виноградарства был не местный, а русский рынок.

На основе анализа материалов можно сделать вывод о том, что в 1860–1890-х гг. и в начале XX в. на Северном Кавказе происходил быстрый процесс заселения и освоения земель. Довольно четко выделяются районы торгового зернового хозяйства – степи Кубани, Ставрополя и Терека; товарного скотоводства – восточная часть Ставрополя и горские области; приобретают товарное значение и к началу XX века расширяются виноградники (прежде всего – в Дагестане и в примыкавших к нему районах Терской области); наконец, формируется район производства кукурузы, табака и подсолнечника – главным образом в западной части Кубанской области.

Переселенцы из центральных губерний России, из Украины и других районов страны, а также солдаты гарнизонов, стоявших на Кавказе, ряд представителей царской администрации, получивших землю в регионе, оказали заметное влияние на распространение здесь передовых методов ведения хозяйства, принесли с собой новые сельскохозяйственные орудия и культуры.

Быстрое развитие капиталистического сельского хозяйства на Северном Кавказе требовало коренной перестройки транспортных средств, строительства дорог, которые обеспечивали бы вывоз продукции. Началось быстрое строительство грунтовых дорог, мостов.

Но это были полумеры. Только строительство железной дороги могло действительно соединить Северный Кавказ с Центральной Россией и содействовать включению его во всероссийский рынок.

К началу 1872 г. было закончено изыскание дороги. Трасса была удобной с военной точки зрения, но она не учитывала хозяйственные нужды (даже губернский город Ставрополь был обойден). В том же 1872 г. была утверждена концессия – “Общество Ростово-Владикавказской железной дороги”. Акционерный капитал был невелик – 8,64 млн руб., причем контрольный пакет акций принадлежал казне. За ее счет дорога фактически и была построена. В июле 1875 г. дорога была открыта.

Вслед за главной линией были построены новые: в 1888 г. – Новороссийская (255 верст), в 1894 г. – Петровская (250 верст) и Минераловодческая (60 верст), в 1896 г. – Железноводская (5,3 версты) и Ставропольская (145 верст), в 1899 г. – Царицынская (501 верста), в 1900 г. – Бакинская (337,5 версты), в 1901 г. – Кавказско-Екатеринодарская (127,5 версты) [54].

Таким образом, к началу XX в. Владикавказская железная дорога связывала между собой все основные центры Северного Кавказа. К этому времени из

2332,5 версты строительной длины дороги 324 версты приходилось на Донскую, 845 – Кубанскую, 453 – Терскую, 214 – Дагестанскую области, 192 – Ставропольскую и 18 – на Черноморскую губернии [55]. Дорога также проходила по Бакинской, Астраханской и Саратовской губерниям.

Следовательно, Владикавказская железная дорога оказала большое влияние на экономику Северного Кавказа не только как транспортное, но и как промышленное и коммерческое предприятие. К началу XX в. в крае функционировали 16 мастерских при депо на важнейших железнодорожных станциях (не считая Ростова и Батайска). Многие из них, особенно Тихорецкие паровозные, Новороссийские вагонные, Кавказские, Минераловодческие, Бесланские, Грозненские мастерские были весьма значительными металлообрабатывающими заводами. В них были установлены машины, приводившиеся в движение паровыми и электрическими двигателями.

Общество Владикавказской железной дороги занималось добычей нефти в районе Грозного. Дороге практически принадлежал весь Новороссийский порт (пристани, многочисленные амбары и нефтехранилища, элеватор, заводы, строившие и ремонтировавшие суда; буксирный по поход). По темпам развития, благоустройства и механизации всех работ Новороссийский порт уже к началу XX в. превосходил остальные порты России. К концу XIX в. к пристаням у Владикавказской дороги в Новороссийске приставало до 400 иностранных и до 600 русских судов, общий грузооборот этих пристаней превышал 10 млн пудов перевозимых грузов [56].

По темпам роста суммы оборотов промышленности Северный Кавказ заметно превышал Европейскую Россию, но по темпам роста прибылей промышленности продолжал уступать ей.

Исходя из материалов исследования, можно сделать вывод, что к 1917 году Дон и Северный Кавказ составляли единый экономический регион на базе Донской, Кубанской, Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. Его население насчитывало без малого 10 млн чел., а территория – 341,1 тыс. квадратных верст [57]. По размеру валового продукта регион принадлежал к числу наиболее развитых хозяйственных комплексов России. Умеренный климат, местами даже теплый, плодородие почв, леса с ценными породами деревьев, простор целинных земель, обилие ископаемых и строительных материалов, омывающие его три богатейших моря – Каспийское, Черное и Азовское, что обеспечивало выход во все части света, множество больших (Дон, Кубань, Терек) и малых рек, озер с неисчислимыми косяками рыб, птичьими стаями, непуганые табуны диких животных, высокие горы.

В 1863–1913 гг. население региона увеличилось почти в 4,5 раза. В целом по России оно возросло тогда только на 122,2 %, в 50 губерниях Европейской России – на 199,9 %. Выходцы из десятков губерний Центральной Европейской России, Украины, Прибалтики, Поволжья были кузнецами, овчинниками, шерстобитами, портными, сапожниками, плотниками, земледельцами. Обладая немалым зарядом энергии, они жаждали активной деятельности, стремились “выбиться в люди”, разбогатеть, предельно используя местные возможности.

9603400 человек населяли этот край. В этнословном отношении они состояли из казаков – 3117000 (33 %, или свыше 70 % всего российского казачества), коренных крестьян – 3142203 (33,2 %), иногородних – 2760236 (29,2 %), остальных – 4,6 % [58].

Регион отличался многонациональностью, здесь жили люди более 100 наций и народностей [59]. Такой пестроты не наблюдалось нигде в России да, пожалуй, и во всем мире. Русские, чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, балкарцы, адыгейцы, черкесы, карачаевцы, армяне, ногайцы, таты, калмыки, туркмены, белорусы,

украинцы, эстонцы, молдаване, грузины составляли наиболее крупные национальные группы. Причем русские преобладали в равнинных частях и на морских побережьях.

В 1914 г. на их долю приходилось: в Донской области – 95,2 %, в Ставропольской губернии – 92 %, в Кубанской области – 90,6 %, в Черноморской губернии – 60,1 %, в Терской области, где преобладали горцы, – 33,7 %. Отсюда большие различия в верованиях, быту, культуре, традициях. Славяне и большая часть осетин исповедовали православие, подавляющее большинство горцев – ислам. Здесь были представлены также католики, протестанты, иудеи и другие конфессии.

В 50-летие, предшествовавшее первой мировой войне, Дон и Северный Кавказ представляли собой гигантскую строительную площадку: росли старые города, стряхивая с себя былой застой, закладывались новые. Строились проездные пути, заводы, фабрики, шахты, нефтепромыслы, курорты, острый плуг разрезал вековую целину.

На степных просторах, берегах морей и рек, в предгорьях и горах были возведены более 20 городов, ставших крупными социально-экономическими и культурными центрами, образовались 3 посада, 1221 станица и волость, 3342 сельских общества, 9657 хуторов, аулов и других поселений [60].

Экономика края носила аграрно-промышленный характер. В 1913 году ее валовой продукт составлял 1439200000 руб. (в том числе сельскохозяйственный – 1128100000 руб.), ценовой промышленности – 311100000 руб. (по данным статистической переписи) [61].

Основная масса населения занималась земледелием, животноводством, садоводством, рыбной ловлей, ремесленничеством, курортным делом, строительством. Направление развития определялось рыночным спросом. Промышленный рост России и других стран, городское строительство, массовые армии требовали в возрастающих количествах продовольствия, сырья, строительного материала, металла, нефти, угля.

Коренная качественная перестройка, захватившая Дон и Северный Кавказ с 1880-х гг., прежде всего, сказалась на структуре сельского хозяйства. Могучая рука интереса, диктовавшего поиск наиболее выгодного вложения сил и средств, переориентировала сельское население со скотоводства – главной сферы приложения труда, привычного и традиционного, на полеводство. Хотя животноводство вплоть до 1917 года оставалось ведущей отраслью в восточных и горных частях региона, там, где возделывание зерновых культур затруднялось или вовсе исключалось природными условиями.

В тех районах, которые переключились на зерноводство, оно продолжало играть важную роль, служило выгодным вложением фуражной продукции в производство мяса, молока, яиц, шкур и т.п. В стоимостном же выражении полеводческая продукция и в этих случаях в 6 раз превышала животноводческую. За 25 предвоенных лет (до 1914 г.) посевные площади региона совершили громадный скачок – увеличились в 4 раза, с 3 до 12 млн десятин. Численность населения за то же время возросла всего лишь вдвое. Прирост обеспечивался за счет интенсификации производства, прежде всего широкого применения сельскохозяйственной техники и повышения общей культуры хозяйствования.

Производители Дона и Северного Кавказа специализировались на выращивании наиболее ценных культур – сильной озимой и яровой пшеницы, и ячменя, которые пользовались особенно высоким спросом на внутреннем и мировом рынке. Они занимали 75 % всех посевных площадей, во всей России – 40,2 %, а в 50 губерниях Европейской России и того меньше – 32,5 % [62].

Твердые пшеницы региона снискали тогда себе поистине мировую славу. По содержанию протеина и объему выпекаемого хлеба они превосходили подобную пшеницу других российских регионов и таких стран, как США и Аргентина – крупнейших ее поставщиков на европейский рынок.

Долины рек, предгорья, берега морей, южные склоны Кавказского хребта покрывали виноградники и сады. В них утопали городки, станицы, села и хутора. В 1910 г. виноградники занимали 28910,6 десятины, в том числе в Донской области – 8067, в Кубанской – 7685,4, в Терской – 6703,5, в Ставропольской губернии – 5339, в Черноморской (1912 год) – 1114 десятин. В 1915 г. в крае было собрано 5731000 пудов винограда, произведено из него 7556400 ведер вина, или примерно 76–80 млн литров – по 8 литров на каждого жителя. Сады занимали 47 тыс. десятин. Окрестности больших промышленных городских центров, курортных мест (Кавказские минеральные воды, Сочи и др.) были зонами товарного огородничества площадью около 1 млн десятин. Валовой ежегодный доход от них равнялся 150 млн рублей золотом [63].

Регион был крупнейшим животноводческим центром страны. В 1914 г. здесь насчитывалось 2567615 лошадей, 50065519 голов крупного рогатого скота, 7112500 овец и коз, 1327722 свиней [64].

Никто в Европейской России не мог сравниться по экспортным возможностям хлеба с этим краем. Весь ежегодный экспорт хлеба и хлебных продуктов из Европейской, самой развитой части России, в среднем равнялся 257 млн пудов, доля же данного региона достигала 80 %. Иными словами, хлебный экспорт Европейской России осуществлялся главным образом за счет Дона и Северного Кавказа. Их доля по этой статье была решающей и в масштабах всей России. Среднегодовые поставки хлеба страны на мировой рынок доходили в тот период до 549,5 млн пудов, в том числе с полей региона – примерно 225 млн пудов, или 41 % [65].

Отсюда хлеб почти целиком (в среднем 202 млн пудов ежегодно) как высококондиционный, конкурентоспособный отправлялся в Европу. Тогда Аргентина продавала около 155 млн пудов, США – 125, Канада – 54 млн [66].

Капитализм развивался в регионе вширь и вглубь. Наталкиваясь на сопротивление в аграрном секторе казачьих областей, подпиремое и охраняемое законодательством, он гибко обтекал его, направляя людские потоки из земледелия в торгово-промышленную сферу деятельности. Прирост городского населения опережал прирост сельского населения. Тенденция эта, обнаружившись уже в 1860-х гг., впоследствии ускорилась.

В этом отношении регион отставал только от городов Прибалтики и столичной группы областей. Он относился к числу немногих мест страны, где существовал более высокий уровень среднегодовой зарплаты рабочего. Так, в 1913 году по России он составлял 258 рублей, в регионе – 347, в Ставропольской губернии – 449, в Донской области – 379, в Терской – 318, в Кубанской – 241 рубль [67]. К тому же продовольствие там было значительно дешевле.

Преимущественное развитие получили обрабатывающая и добывающая отрасли промышленности: мукомольное и маслобойное дело, добыча угля, нефти, цемента, производство строительных материалов, металлургия. В ходе становления фабрично-заводского дела выросла плеяда талантливых организаторов, бизнесменов, среди которых выделялся Н.Е. Парамонов.

Благодаря их энергии, уму, сноровке на рубеже веков выросли большие акционерные общества, монополии, некоторые достигли гигантских размеров. Так, известный «Продамет» в 1914 г. контролировал 90 % металлургических заводов страны (кроме уральских). Синдикат «Продуголь», организованный франко-бельгийским капиталом в 1904 году, через 10 лет обеспечивал добычу 75 % угля

всего Донбасса, большая часть которого тогда входила в состав Донской области. Акционерное общество Владикавказской железной дороги ежегодно перевозило 95 млн пудов зерна, владело элеваторами, занималось переработкой нефти.

Энергично работал иностранный капитал, получая высокие прибыли и внося большой вклад в развитие экономики. К 1917 г. из 60 млн рублей основного капитала Азовско-Донского банка 8 млн рублей принадлежало германским вкладчикам, 10 – французским, 2 – английским и 2 млн рублей – прочим иностранцам. В 1915 г. английский капитал контролировал уже 94 % кубанской нефтедобычи. Иностранный капитал в нефтепромыслах Грозненского района накануне Первой мировой войны выражался суммой в 18,7 млн рублей, из коих англичанам принадлежало 14,3 млн рублей. Им принадлежало 60 % добычи нефти, 160 действующих скважин из 260 (то есть 62 %, 10 компаний из 12).

По данным П.И. Лященко, в дореволюционное время он давал стране 75 % угля, 100 % – серебра, 80 % – свинца, 20 % – нефти. Его доля валового промышленного продукта России в стоимостном выражении равнялась 5,3 %. Он занимал 9 место среди 20 районов, представленных в статистике.

Таким образом, большой и своеобразный регион на Юго-Востоке Европейской России, Дон и Северный Кавказ к 1917 году представляли собой, несмотря на свою молодость, один из наиболее развитых и перспективных аграрно-промышленных комплексов.

Вызванное модернизацией развитие коммуникаций, индустриализация, урбанизация, повышение мобильности населения, рост грамотности и т.д., ускорили процессы этно- и нациогенеза, выразившиеся в росте национального самосознания народов России, активности национальной интеллигенции и духовенства, хотя и не везде одновременно. Серьезными стимулами были так же проводимые политические реформы и в чем-то сходные события в других империях.

Национальные движения на Кавказе приобрели массовый характер, как уже отмечалось, – среди грузин и армян, имевших прочные традиции государственности, собственную элиту и развитую культуру. Пробуждение национально-религиозного сознания стало особенно заметно у мусульман Азербайджана, в определенной мере – у горских народов, в целом остававшихся в системе своих родовых структур и суфийских общин.

Национальные идеи охватили и русских, но они сразу пришли в противоречие с традиционным имперским патриотизмом, революционными течениями, состоянием расколотости общества и не могли быть реализованы в процессе интеграции всех его групп и слоев в нацию. Да и сама политическая легитимность самодержавия основывалась не на русской нации, а на императоре, династии и империи. Только до- или наднациональная идеология могла интегрировать полиэтническую империю. Однако элементы так называемого имперского национализма, русификации стали проявляться в политике по отношению к нерусским народам в рамках взятого курса на форсирование административной, социальной и культурной интеграции российского общества. Это стало своего рода реакцией на влияние новых сил и, в свою очередь, лишь обострило ситуацию в национальном вопросе. Для подавления национальных движений в числе прочих мер, царские власти решительно шли на использование военной силы, как это было, к примеру, по отношению к выступлениям армян в начале XX в. в Закавказье [68].

Несмотря на экономический и в целом культурный подъем Кавказского края под властью русского самодержавия во второй половине XIX – начале XX вв., здесь зрело, как и по всей стране, социальное недовольство. Переплетение социального и национальных движений на Кавказе привело, в конечном счете, к глубокому структурному кризису и в этой части империи.

Из материалов исследования следует, что в условиях включенности Кавказа в единое имперское пространство (не только физическое, но и экономическое, правовое, культурное) вероятность этнических раздоров и межконфессионального противостояния значительно снижалась, в рассматриваемый период действовали и факторы, провоцирующие их обострение.

В это время в регионе существенно изменяется этническая ситуация. К уже сказанному об интенсивных внешних миграциях, вызванных целым комплексом причин, надо добавить и такие виды внутренней миграции, как казацко-крестьянская славянская колонизация, захлестнувшая предгорья Кавказа (особенно после массового переселения адыгских и некоторых других горских народов в Турцию) и переселение жителей гор на равнину (как в принудительном порядке, так и добровольном из-за малоземелья в горах).

Как отмечает С.А. Панарин, на северо-западе “Кавказско-Закавказского региона” впервые была радикально нарушена вековая этническая преемственность. Если для создания пояса лояльного населения вдоль южной границы властями, как правило, поощрялась иммиграция армян, и русские владения на Кавказе стали центром их собирания, то на юге осуществилась исторически внезапная ревизия предшествующих этнических сдвигов, растянувшихся на несколько столетий [69]. Все эти изменения, безусловно, создавали определенные условия для конфронтации народов, здесь проживающих.

Следовательно, из-за всего этого роль и значение административной деятельности, умелого сочетания различных методов в ее осуществлении, в том числе силового и несилового характера, неизмеримо повышались. Более того, политика военной администрации, наряду с мощным конструктивным влиянием на внутренние процессы в регионе, могла порой усиливать потенциал взрывоопасного состояния Северного Кавказа, ибо обречена была на просчеты, ошибки, непоследовательность, постоянно имея дело со сложной и противоречивой действительностью кавказской жизни. Да и государственная бюрократическая машина империи была далеко не идеальной. Просчеты и прорехи приходилось “латать”, что называется, на ходу, в столкновениях позиций, в поисках компромиссов и оптимальных решений. Но всегда в арсенале средств деятельности кавказской администрации имелись средства военные.

На основе материалов исследования можно сделать вывод, что присоединив Кавказ в ходе длительной и напряженной борьбы к своим владениям, власти Российской империи столкнулись с необходимостью в целях замирения, поддержания внутреннего спокойствия и развития края активно реагировать на все те вызовы, которые были связаны с влиянием внешнего фактора. Без использования возможностей военной организации здесь не только нельзя было обойтись, но оно стало во многом определяющим.

Примечания:

1. См.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 84–91.
2. См.: Панарин С.А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе// Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001, С.36–39.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 455. Л. 2.
4. См.: Калмыков Ж.А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Нальчик, 1975. С. 23–24; Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны

(1863–1875 гг.) (по архивным источникам). М., 2000. С. 232–233; Сампиев И.М. Система управления Северным Кавказом в Российской империи // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 66; Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ 1780–1995: история и границы. Владикавказ, 1997. С. 8; Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 10–12; Рябцев А.А., Черкасов А.А. Христианство как основная религия горцев Черноморья (первая половина XIX в.) // Вестник СГУТиКД. 2011. № 1. С. 154–161 и др.

5. Понимается, что многие кавказские племена не имели строгой стратификации.

6. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождении северокавказских народов в состав России // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 194; Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов - на - Дону, 2000. С. 18, 19, 21.

7. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождении северокавказских народов в состав России // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 234; Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов на/Д, 2000. С.18, 19, 21; Черкасов А.А. К 170-летию города-курорта Сочи: история проблемы // Вестник СГУТиКД. 2008. № 1-2 (3-4). С. 182-187.

8. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 284.

9. (Понятие “наездничество” употребляется в том смысле, в каком его использовали дореволюционные исследователи В. Потто, П. Дубровин и другие, связывавшие его с военными походами за добычей, беря за основу термина слово “наезд” (нападение, набег).

10. Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Его Императорским высочеством Великим Князем Михаилом Николаевичем 6 декабря 1862 г. – 6 декабря 1872 г. Тифлис, 1873. С. XI.

11. См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 583.

12. Пляскин В.П. Военные аспекты национальной политики России на Кавказе. Ростов-на-Дону, 2002. С. 15, 91.

13. Цит. по: С.В. Сафонов. Из записи разговора с Николаем I. 26 сентября 1846 г. // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения. СПб., 2000. С. 101.

14. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 12-15.

15. Мюридизм – одна из разновидностей мистико-аскетического учения в исламе – суфизма, согласно которой мюрид (“ищущий путь к спасению”).

16. Там же. С. 16.

17. Россия. Законы и постановления. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876. С. 1.

18. Ильин И. О грядущей России: избранные статьи. М., 1993. С. 28.

19. Серебряков Л.М. Мысли о делах наших на Кавказе // Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 266.

20. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992. С.68-69, 177.

21. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 31.

22. Аветян А.С. Германский империализм на Ближнем востоке. М., 1966. С. 12.

23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 9. Д. 5. Л.1 об.
24. Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем. Указ. работа. С. 35, 47.
25. Акты кавказской археографической комиссии: В 12 т. Тифлис, 1866–1904. Т. XII.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 1868. Л. 2
27. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1868. Л. 11;
28. Гарегин Срвандзтянц. Записки. Тифлис, 1914. С. 39.
29. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 525. Л. 147.
30. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2876. Л. 3–4.
31. Очерки истории дипломатических отношений. Т. 3. М., 1968. С. 238; Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3-7; Черкасов А.А. Национальные меньшинства Российской империи в годы Первой мировой войны: некоторые аспекты // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 4. С. 20-27.
32. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Ереван, 1966. С. 29–30;
33. Белова Н.К. Об отходничестве из Северо-Западного Ирана в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 1956. № 10. С.118.
34. Минорский В.Ф. Движение персидских рабочих на промыслах в Закавказье. Сборник консульских донесений. Министерство иностранных дел. Вып. 3, СПб., 1905. С. 206; Якушенко О.А., Черкасов А.А. Наместничество Кавказское в революционных событиях 1905–1907 гг.: политическая и криминогенная ситуации // Вестник СГУТиКД. 2010. № 2. С. 121–124; Таран К.В. К вопросу о революционном терроре на территории Черноморской губернии в период Первой русской революции 1905–1907 гг. // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 18–34.
35. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 634. Л. 15.
36. Ортайлы И. Россия после реформ Петра I и османская общественно-политическая мысль XIX–XX в. // Османская империя: проблемы внешней политики и отношения с Россией. М., 1997. С. 225–226.
37. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 15552. Л. 5-8.
38. Думанов Х.М. Вдали от родины. Нальчик, 1994. С. 58.
39. Цит. по: Матвеев В. «Смотря по желанию...» Неучтенные детали трагедии // Родина. 2000. № 1-2. С. 145.
40. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 328.
41. Ленин В. (В. Ильин) Критические заметки по национальному вопросу // Просвещение. 1913. № 10–12. С. 78–82.
42. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 252. Оп. 2. Д. 110. Л. 15–18.
43. По некоторым источникам около 1,5 млн чел.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 115.
44. Там же. Л. 15.
45. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 1640. Л. 505.
46. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913, Т. 18, С. 447.
47. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 382. Л. 12-18.
48. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 723. Л. 229–230.
49. Там же. Л. 558–565.

50. Отчет начальника Кубанской области за 1910 г. Екатеринодар, 1911. С. 192.
51. Кавказский календарь на 1890 г. Тифлис, 1889.
52. См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 1-4. СПб., 1907–1910.
53. Там же.
54. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3916. Л. 15–17.
55. Там же. Л. 18–21.
56. Обзор Черноморской губернии на 1900 год. Сухум, 1901. С. 31–32.
57. См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 1-4. СПб., 1907–1910. С. 329.
58. Подсчитано нами по: РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.68. Л.1-3.
59. Тавадов Г.Т. Этнология: Словарь-справочник. М., 1998. С. 562.
60. Константинов О.А. Северный Кавказ. М. Л., 1930. С. 12.
61. Там же. С. 13–14.
62. Донская летопись. 1923. № 1. С. 289.
63. Там же. С. 290.
64. Статистический ежегодник России. 1913 год. СПб., 1914. С. 1.
65. Там же. С. 2-3.
66. Труды совета обследования и изучения Кубанского края. Т. VII. Материалы по хлебному делу и торговле. Екатеринодар, 1919. С. 21.
67. Статистический ежегодник России. 1913 год, СПб., 1914. С.11.
68. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 678. Л. 14.
69. Панарин С.А. Позиционно-исторические предпосылки современной исторической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 38.

УДК 93

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Евгений Викторович Новиков

Сочинский государственный университет
35400, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматривается политическая и социально-экономическая обстановка на Северном Кавказе в период утверждения на нем Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, социально-экономическое развитие, политика.